

ПОЭЗО-ВАРИАЦИИ
В СТИЛЕ *retro*

Лоренс Блинов

По дороге в Керлантай

37

Время было как валун
жаркий недви́жимый серый

посреди людских стремнин
от зари и до зари
пели трубы на ветру
кони фыркали

а впрочем
мы потом поговорим
по дороге в Керлантай

Было небо
был валун
был я молодой безумный

посреди людских стремнин
посреди толпы ревущей
посреди безгласных душ
звонко трепетали трубы

степь дымилась вдалеке
в тесном воздухе знамён
как булыжник тёмно-серый
день влачилсЯ тяжело
от зари и до зари
мысли коконом стальным
были скручены

а впрочем
мы потом поговорим
по дороге в Керлантай

И была заря
 за ней
до закатного пожара
в душном воздухе знамён
посреди стремнин ревущих
день катился тяжело
как булыжник тёмно-серый
и ложился наконец
в мостовую лет

 гремели
по булыжной мостовой
по Тверской-Ямской весёлой
наши славные дела
по широкой мостовой
гулко цокали подковы
пели трубы на ветру
кумачовых лет

 а впрочем
мы вращали в эту жизнь
словно лопнувшее ожерелье
«дней связующая нить»
впрах развеяна и в нас
что-то враз перегорело
(торфяная полоса?..)
или может быть

 напротив
может где-то там внутри
что-то тихо назревало –
и границ не удержать!
(торфяная полоса...)

в сердце яблока закрался
червь невидимый

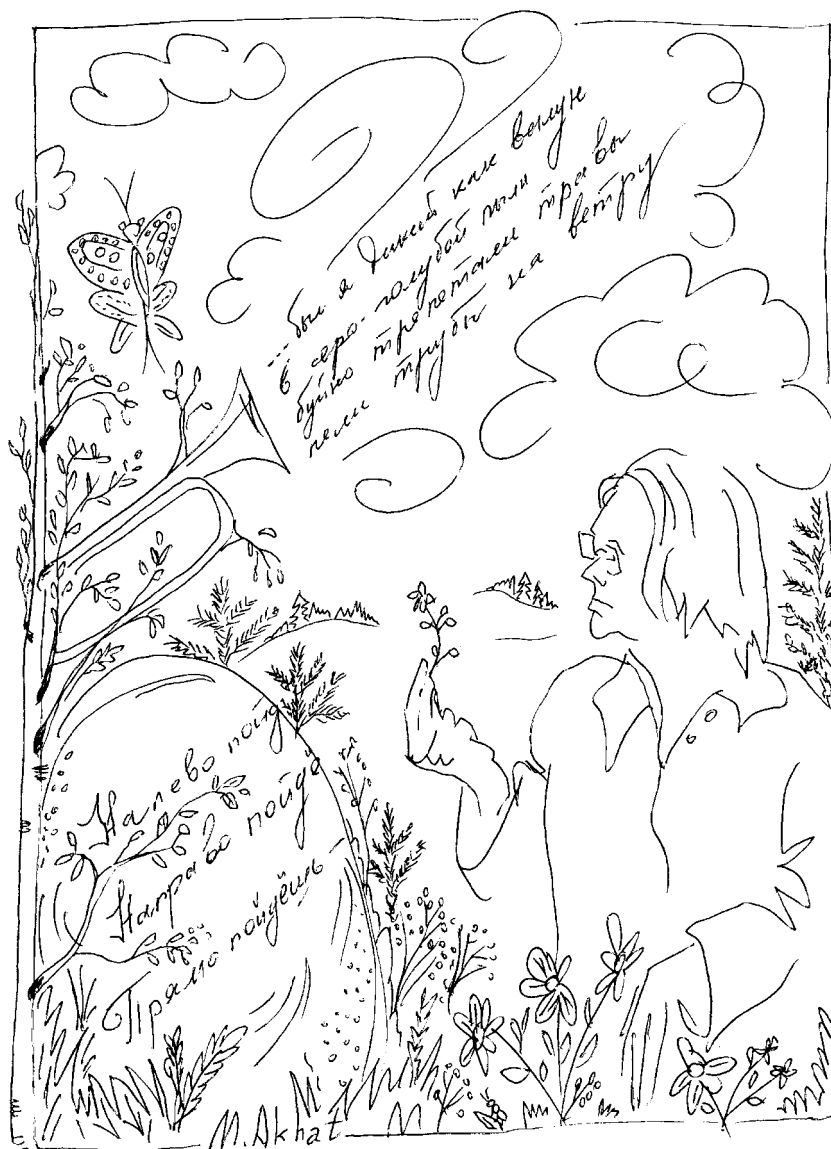
 горим
словно бурые растенья
словно ржавый торф

 а впрочем
мы потом поговорим
по дороге в Керлантай!

Нетерпимостью горя́
мы с годами понимали
всё –

 красивые слова:
«времени седой валун»
«трепетанье труб»
«закаты»

 и о прочем о таком
всё – красивые слова
выспренне
высокопарно

и границ не отыскать
 пламя ширится, растёт
 мы внезапно воспаряем
 над своею сединой
 образуется провал
 в памяти гудит ненастье
 степь дымится тяжело
 и секирой сотен лун
 обезглавлены рассветы
 и багряная роса
 словно лопнувшее ожерелье
 зажигает новый день
 а за ним
 другие дни

пламя ширится, растёт
бахрома времён дымится
становясь росой звезд...

Ах! красивые слова...
выспренне
витиевато
заставляют вновь лететь
заставляют обратиться
в «тихий рёв зеркальных скважин»
в сеть багряных диких лет
устремляться
лопнет вдруг
портупя на скаку,
но стальной клинок беснуясь
умножает урожай
яростных и смелых ягод

порыжелая луна
тоньше и изящней к ночи
образуется провал
торфяная полоса
бахрома времён
а впрочем
было многое дано
многое тогда умелось –
как дышалось
так и пелось
и о многом о таком
бахрома времён ветха
глубина бывшего гулка
кем отобраны права?
корни трав?
зари?
а впрочем
нетерпимостью бряцать –
не обычай мудреца!
ныне я имею смелость
ничего не отрицать

Был и я непримирим
жгучий молодой бедовый
был я дикий как валун
в серо-голубой пыли
буйно трепетали травы
пели трубы на ветру
где-то далеко внутри
ночь секирами секла
дум безумные побег
и дождями новых слов
осыпались буквари
степь дымилась тяжело

и ворочался валун
знойной тяжестью
 а впрочем
мы потом поговорим
по дороге в Керлантай

Был и я непримирим
но когда дождям отпелось
где-то далеко внутри
в зоне внутренних пространств
вихри собственного *его*
устремилась в тишину
в центр буйного циклона

и явился Джон Лилли*
и позвал за грань явлений
в обнажённые мигрени
подсознательных глубин
и ступив за грань себя
в пропасти без направлений
где судьбу пророчит гений
в опрокинутой душе
вдруг забрезжили рассветы
тихо вырос «Нищий бог»
(первая моя поэма) –
ослепительный босой
с ворохом зеркальных песен
(словно Хлебников в «Зангези»)

В «Нищем божь» пел простор
полюхал прохладой в ряях
и восходы пламенели
круто пенился бокал
и внезапно разбивался
звоном тысячи лучей
и сверкали зеркала

над осколками бокала
словно трубы на ветру
гулко трепетали дни
 а впрочем
вновь – красивые слова!
«звёзды сыпались»
 куда там! –
тусклый волочился быт
тощая тащи́лась кляча
(«Бог»-то всё-таки был нищ!)
и сознания застенков

* Лилли Джон Каннигам (1915–2001) – доктор медицины, врач, знаменитый психоаналитик, выпустивший нашумевшую книгу «Центр циклона», неутомимый исследователь внутренних глубин человеческой психики.

был тяжёл и в темноте
осыпались буквари
мысли стыли в затхлой тине
серых равнодушных дней
было буднично

а впрочем
мы потом поговорим
по дороге в Керлантай

Ты же знаешь
круглый рёв
тихих лун в ночи бездонной
вряд ли нынче потрясёт
торфяная полоса
едкий смог в людских глубинах
над безумной маемой
утончённый шар небесный
будит ряски нежный звон
осторожный стон уключин
Ладоги целебный взор
он плывёт по духоте
словно отсвет прежних истин
и границ не удержать!
он плывёт в ночи

а впрочем
мы потом поговорим
по дороге...

по дороге
раскалённым валуном
глубина бывшего гулка
раскалённым валуном
раздвигается овал
в памяти гудит ненастье
знойным буйным валуном
тысячью таких тяжёлых
раскалённых валунов
дни обуглились
горят
словно ржавый торф
а впрочем
вся вселенная полна
свежести и ликования:
в ней – душистая война!

Нет! я будто оглушён
сквозь высокие слова
выспренность высокопарность
снова виден звонкий цок
снова полыхают ночи
как босые зеркала
и – раздвинуты права
и секирою целебной
срезан тягостный бурьян
воспалённых сновидений

и прозрачна глубина
и упрямый смелый дождь
будоражит наши будни
учит заново дышать
посреди людских стремнин
посреди степей безбрежных
учит заново дышать
учит свежестью струиться
ясной совестью росы
кровью смелых диких ягод

Где ещё такой запал?
где такие песни? трубы?
и о прочем о таком
нет, я снова удивлён
ка́к
валун тяжёлым духом
в серо-голубой пыли
обретает свежесть лу́га?
обращается в луну?
и летит стезёй ночью
светло-голубой валун
прячась в утреннем тумане

...Бахрома времён
ресницы
портупея на бегу
«тихий рёв небесных скважин»
и обуглены поля
корни трав
зари
в душе
над осколками заката
он плывёт по духоте
он плывёт в ночи
а впрочем
бахрома времён ветха
и знамена порыжели
и о трубах на ветру
вычурно высокопарно
нам уже никто
о трубах
о безумных днях

а впрочем
мы потом поговорим
по дороге
в Керлантай.

